

и только начинающихъ еще собираться въ общества для производства изслѣдованій сообща. Наука не можетъ дать другого отвѣта, пока она все еще остается дочерью досуга (досужествомъ), а не нужды. Какъ наука можетъ и должна быть введена въ дѣло всеобщаго спасенія, и говорится въ книгѣ — „Философія Общаго Дѣла“. Когда же наука войдетъ въ дѣло всеобщаго спасенія, что возможно въ томъ лишь случаѣ, если и религія станетъ этимъ дѣломъ, а не догматомъ лишь, который легко обращается въ мертвый, тогда и разрѣшатся всѣ противорѣчія между религіею и наукою, разрѣшатся и вообще всѣ противорѣчія и антогонизмы, и религія не будетъ уже отрицать жизнь, а войдетъ въ жизнь, сдѣлается самой жизнью.

Автора книги — „Философія Общаго Дѣла“ зная и Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ и, прочитавъ одну изъ его рукописей, заключавшую въ себѣ то, что напечатано теперь на страницахъ 64—352 этой книги, писалъ ему тотчасъ по прочтеніи, что читалъ всю ночь и часть утра и счелъ своимъ долгомъ выразить, что признаетъ его первымъ, который сдѣлалъ шагъ не къ распространенію ученія Христа, а къ осуществленію дѣла Христова, что его ученіе есть первое со времени явленія христіанства движеніе челоувѣческаго духа по пути Христову; писалъ затѣмъ, что готовъ признать себя его ученикомъ, но знаетъ, что этого признанія ему не нужно, и все-же называетъ его своимъ учителемъ и говоритъ, что вполне и во всемъ съ нимъ согласенъ и остается переговорить лишь о подробностяхъ осуществленія проекта. Письмо Соловьева тоже будетъ напечатано.*)

Въ книгѣ „Философія Общаго Дѣла“, — по моему глубокому убѣжденію, вынесенному изъ самого близкаго знакомства съ Н-лаемъ Ѳ-чемъ и его произведеніями, — указанъ путь спасенія изъ того страшнаго состоянія, отъ котораго спасаются самоубійствами и убійствами послѣдовательно — мыслящіе и не открывшіе еще того единственнаго выхода, который указанъ намъ великимъ покойникомъ, скончавшимся еще 15 декабря 1903 г. Н. Ѳ. Федоровъ не былъ признанъ великимъ, какъ Толстой, еще при жизни, но будетъ признанъ великимъ и даже величайшимъ послѣ смерти, если родъ челоувѣческой, дѣйствительно, не предназначенъ къ гибели. Толстого не только признаютъ великимъ, но наша интеллигентная толпа создала себѣ изъ него даже кумиръ, создала своего идола. До какой нелѣпости доходятъ въ восхваленіяхъ Толстого, это видно изъ фразы, которую не разъ приходится читать — будто бы „Толстой на цѣлую голову выше своего времени“. Но кто же дѣлаетъ такую оцѣнку: не тѣ ли, которые сами считаютъ себя ниже Толстого?! А если они ниже Толстого, то какъ же они мо ли понять и оцѣнить его?.. Если-бы Толстой былъ выше своего, т. е. нашего, времени на цѣлую голову, то наше время не поняло-бы его, не понявъ, не прославило-бы его, а напротивъ — гнало и преслѣдовало-бы его, какъ это и бываетъ съ тѣми, которые, дѣйствительно, выше своего времени. Такихъ людей обыкновенно понимаютъ и прославляютъ только послѣ ихъ смерти, при жизни же они возбуждаютъ лишь недоумѣніе, а иногда и негодованіе, ихъ обви-

*) Какъ письмо Шеншина (Фета), о которомъ говорилось выше такъ и письмо В. С. Соловьева, нынѣ напечатаны въ книгѣ В. А. Кожевникова о Н. Ѳ. Федоровѣ. Книга эта, какъ и Философія Общаго Дѣла, не продается.